

Мазель Лео
Абрамович

11. 2000

9 октября в возрасте 93-х лет ушел из жизни выдающийся ученый XX века, профессор Лео Абрамович МАЗЕЛЬ

Муз. обозрение — 2000 — нояб. (№ 10) — с. 3
Энциклопедически образованный человек (Мазель окончил физико-математический факультет Московского университета, научно-композиторский факультет Московской консерватории, где был учеником Ан. Александрова, М. Иванова-Борецкого), он с 1931 по 1967 преподавал в Московской консерватории. Воспитал множество известных музыковедов, среди которых — В. Протопопов, Л. Дьячкова, В. Холопова, Э. Алексеев, К. Дмитриевская, М. Якубов, А. Наумов.

Исследования Л.А. Мазеля в области музыкальных стилей, музыкального синтаксиса и форм, мелодии, гармонии, музыкальной эстетики, методологии анализа музыки имеют непреходящее значение. Его работы (в том числе — несколько фундаментальных монографий и учебников) сочетают детальный анализ средств музыкальной выразительности с целостным охватом структуры и широким историко-стилистическим подходом.

Своими воспоминаниями об этом незаурядном человеке делится ученик Л.А. Мазеля, его сосед по дому, профессор Лев НАУМОВ.

«Наша alma mater, Московская консерватория, знает много славных педагогических имен — от Чайковского, Танеева, Нейгауза, Анатолия Александрова, Способина, Шебакина, Цуккермана, и дальше, через мой век, к нашим дням... И Лео Абрамович Мазель является одним из величайших представителей этой замечательной плеяды, которой мы все должны поклониться. И, конечно, сожалеть, что их нет с нами.

Я имел счастье не только учиться в классе Л.А. Мазеля, но и быть его ассистентом. Это была золотая эра музыковедческого, теоретического образования в Московской консерватории, потому что одновременно работали такие личности, как Игорь Владимирович Способин, Виктор Абрамович Цуккерман, Виктор Петрович Бобровский, Лео Абрамович Мазель, и его ученик, ныне здравствующий Владимир Васильевич Протопопов. Все они внесли огромный вклад в музыковедческую и историческую науку.

Мазель блестяще преподавал не только анализ форм, но и историю стилей. У Лео Абрамовича предмет «Анализ форм» из формального превратился в развернутый, всесторонний анализ музыкального произведения. Сначала я относился со скепсисом к некоторым наблюдениям Лео Абрамовича. Но потом многое понял. У него была способность обнаруживать какие-то связи, невидимые остальным — например, связи между главными и побочными партиями первой части 18-й сонаты Бетховена, в сонатах b-moll и h-moll Шопена... Удивительно: это было настолько достоверно, что всегда возникавший вопрос: «А думал ли об этом автор?», я уже не задавал, потому что мне было совершенно очевидно, что Мазель прав. И это было, наверное, потому, что он был очень музыкален и сам был композитором.

Он написал массу трудов, в том числе — книгу, посвященную Фантазии f-moll Шопена, исследования мелодики Глинки, Шопена, Рахманинова. Его теория музыкальных структур, которая является краеугольным, архитектурным стержнем развития музыкальной идеи, меня поразила. Она была так разработана, что я всю жизнь применяю ее на практике. С помощью этих структур можно выявить у учеников длинное дыхание, потому что если они хорошо понимают это, то они понимают и логику развития. Таким образом, из вроде бы «ученого» анализа вытекает ощущение воздуха, этой широты.

Учение Мазеля о кульминациях — тоже замечательное открытие. Его исследования в области развития, эволюции от старинной двухчастной формы к возникновению формы сонатного allegro (Бах, Скарлатти, венские классики, и далее) — важнейший раздел музыкознания, который имеет огромное значение.

Только у Мазеля — тончайшего музыканта — могли возникнуть некоторые аналогии. Например: влияние симфонического творчества Чайковского на оперу (имеется в виду, прежде всего, «Пиковая дама») и оперного — на инструментальные сочинения: скажем, Фортепианный концерт, где каденция явно представляет преддверие «Пиковой дамы».

Когда я учился у Мазеля, он был чрезвычайно популярен среди музыкантов. Это был блестящий педагог, великолепный оратор. Он так строил свои речи, что просто приковывал внимание слушателей. Сейчас, по-моему, подобных носителей ораторского искусства в области музыковедения почти не осталось.

Сами лекции Мазель строил удивительно. Он приходил подтянутый, устремленный. Сразу же открывал форточку в классе. Это всегда было за 15 минут до начала, и минут десять он ходил по коридору: ему надо было сосредоточиться. Потом, проветрив класс, входил туда, и начинал занятие. Эти феерические уроки студенты воспринимали с огромным интересом. А в конце лекции Мазель всегда рассказывал какой-нибудь

анекдот или смешную историю. Он потом мне объяснил: «Это я делаю специально, чтобы в точке «золотого сечения» студенты вдохновились, немножко расслабились, и потом — кода, ударное завершение». Вот даже построение лекций было музыкально спланировано.

У него были чудные отношения с Виктором Абрамовичем Цуккерманом. Они были настолько дружны, что студенты любовно, в шутку называли их «пара периодичностей»: они ходили вместе. И они же начали большой труд по анализу форм, который не был, увы, доведен до конца.

К счастью, Лео Абрамович успел написать учебник по анализу музыкальных произведений для факультета военных дирижеров. Почему он преподавал на военном факультете? Это — результат трагедии, которая всем известна, в печально знаменитом 48-м году, когда все хорошее рушилось, все наглое подняло голову, ошетинилось, когда бездарности всплыли вверх, а гении и таланты вынуждены были искать другую работу.

[В личном деле Л.А. Мазеля сохранились отзывы тех лет. Цитируем один из них, датированный 26 февраля 1949: «Уважая его эрудицию и знания, а также признавая его некоторую роль в деле разоблачения формалистических концепций в музыкознании (Э. Курт, А. Оголевский), я в то же время, став самостоятельно мыслящим музыковедом, вынужден был подвергнуть значительному пересмотру и критике его научную деятельность. Ее нельзя расценивать иначе, как формально-схоластическое теоретизирование, спекулятивно-беспомощное использование историко-материалистических посылок и диалектического метода (...) Стоя на позициях беспринципного космополитизма и не испытывая ни малейшей гордости за русские национальные достижения в области музыкальной теории, Мазель является все эти годы ярким, воинствующим апологетом откровенно формалистической, антиисторической теории немецкого музыковеда Римана. (...) За годы своей музыковедческой и педагогической деятельности Мазель, на мой взгляд, нанес большой вред советской музыкальной теории и делу воспитания музыковедческой молодежи, так как он являлся одним из основных лидеров музыкознания, упорно проповедовавших формальное мышление и порочную буржуазную методологию схоластического абстрактного «анализа». — Ред.]

Так вот, и Шебакин, которого сняли с поста директора консерватории, и Мазель, которого обвинили во всех смертных грехах формализма, преподавали на военном факультете, и преподавали замечательно! И Лео Абрамович создал учебник, в сжатом виде представлявший его консерваторский курс.

Была забавная деталь: Виктор Петрович Бобровский был ассистентом Виктора Абрамовича Цуккермана, а я был ассистентом Лео Абрамовича Мазеля. Ходила «хохма», что в нашем четырехугольнике есть некая периодичность (это придумал Бобровский): Лев Абрамович и Лев Николаевич, Лев Абрамович и Виктор Абрамович, Виктор Абрамович и Виктор Петрович, — то есть еще такая цепочка нас объединяет. У Мазеля было потрясающее чувство юмора. Он замечательно изображал в лицах какое-нибудь заседание Ученого совета. Это было настолько похоже и смешно, что все каталось по полу.

Мое почтение к этому человеку безгранично. Его воспитанность, интеллигентность, его какое-то особое, уважительное отношение ко мне как к ученику и коллеге, выбранному им ассистентом, для меня казалось уже отошедшим в область предания качеством. А в сущности, это совершенно нормальное, интеллигентное сосуществование разных людей разных рангов, разных поколений, разных дарований.

Генрих Густавович Нейгауз очень любил Лео Абрамовича. Помню, однажды он пригласил всех своих студентов в 18-й класс: «Там идет лекция Мазеля, это надо слушать». Мазель рассказывал о седьмой, A-dur'ной прелюдии Шопена. Эта такая крохотная прелюдия, а Лео Абрамович два часа объяснял ее очень подробно и находил все новые ракурсы — необыкновенно интересно и убедительно. Генрих Густавович сидел впереди и часто оборачивался на нас, показывая пальцем вверх: «Вот! Вот!».

Совсем недавно Лео Абрамович мне позволил и попросил, чтобы я зашел к нему. Ему хотелось посоветоваться по поводу его статьи, предметом которой было исследование всего лишь маленького ритурнеля из известного cist-moll'ного вальса Шопена. Мне очень понравилась эта статья. Я сделал кое-какие небольшие замечания, с которыми Лео Абрамович согласился, а далее — мы вспоминали.

Я чувствовал, что его уже мучают болезни. У него давно уже были нелады со слухом, и он часто менял слуховой аппарат. Но всегда был бодр, подтянут, энергичен, очень деловит».